Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Как жить, если все помнить?

05.06.2025.

Кадр из фильма А. Прошкина "Живи и помни". Настена - Дарья Мороз, Андрей - Михаил Евланов

Сегодня переизданная лозаннским издательством Éditions Noir sur Blanc повесть Валентина Распутина «Живи и помни» поступит в книжные магазины Швейцарии, Франции, Бельгии и Канады.

Переиздание повести Валентина Распутина – часть проекта «Библиотека Димитрия», запущенного в 2018 году, когда глава лозаннского издательства Éditions Noir sur Blanc Вера Михальски-Хофманн выкупила каталог «Славянская классика» своего скончавшегося коллеги Владимира Димитриевича (1934-2011), основателя издательства L'Âge d'Homme. Наша Газета подробно об этом рассказывала, так что напомним лишь, что в каталоге том – 600 литературных шедевров, среди которых 250 русских. И вот с тех пор каждый год переиздаются семь-восемь прекрасных книг, давно ставших библиографической редкостью. Дошла очередь до повести Валентина Распутина «Живи и помни» 1974 года, за которую тремя годами позже автор был удостоен Государственной премии СССР. В СССР/России повесть переиздавалась десятки раз, в 2008 году снятым по ней одноименным фильмом Александра Прошкина открывался очередной «Кинотавр» в Сочи - режиссер добавил «кусочек от себя: в конце картины зритель переносится в 1965 год, постаревший Андрей Гуськов

живет один в некогда многолюдной деревне. Проплывающий мимо него бакенщик поздравляет его с 20-й годовщиной Победы. У Валентина Распутина такого нет. У Владимира Димитриевича, выпустившего книгу в 1990 году в переводе на французский Натали Домбр, тоже. И вот – переиздание.

Для тех, кто со школьно-студенческих времен подзабыл содержание книги, напоминаем суть. Гуськовы живут в глухой сибирской деревне Атамановке на Ангаре. Андрей берёт в жёны сироту Настёну, с которой до войны успевает прожить четыре года. Детей у них нет. Начинается Великая Отечественная война, Андрея и ещё нескольких парней из деревни забирают на фронт. Он служит до лета 1944 года, когда его тяжело ранят и направляют в госпиталь в Новосибирск. Уверенный, что после выздоровления его если не комиссуют, то дадут отпуск на несколько дней, Андрей потрясён и разочарован, когда осенью его снова направляют на фронт. Чтобы хотя бы на день побывать у родных, он из госпиталя едет в Иркутск, однако через несколько дней понимает, что всё равно не успеет, и что он уже совершил дезертирство. Прячась от всех, он постепенно пробирается в родные места, где его уже разыскивают. В крещенские морозы января 1945 года Андрей тайно добирается до Атамановки, Настена принимает его и становится соучастницей преступления, скрывая от всех дезертирство мужа. Вскоре Настена понимает, что беременна. Изгнанная из дома родителями мужа, отторгнутая односельчанами, она топится в Ангаре.

Вот такая история. Почему уважаемое издательство решило переиздать именно эту книгу и именно сейчас? Такие мысли сразу начинают роиться в голове в переживаемый нами исторический момент. «У меня нет ответа на этом вопрос! – с улыбкой говорит сотрудник Éditions Noir sur Blanc Марко Деспот, отвечающий за серию «Библиотека Димитрия». – Я просто стараюсь переиздавать книги, которые в свое время повлияли на мою собственную жизнь. И повесть Валентина Распутина, прочитанная лет в 16 или 17, к ним относится. Я прекрасно помню, как потрясла меня тогда история дезертира, пошедшего, по советским понятиям, на предательство Родины ради спасения жизни».

Герой – дезертир? Дезертир – герой? Быть такого не может, да еще в 1974 году, в разгар брежневского застоя! Действительно, поступок писателя Распутина состоял в том, что он затронул запретную до тех пор тему, да еще стал копаться в переживаниях «предателя» - никак иначе дезертиры в нашей бывшей общей стране не воспринимались. И не воспринимаются. Это новаторство снискало повести восторженные оценки таких разных людей (и авторов), как Виктор Астафьев и Александр Солженицын, а также прочитавшего повесть во время ссылки в Магаданскую область украинского поэта Василя Стуса.

Сейчас, по прошествии пятидесяти лет, читая книгу с высоты произошедших с момента ее написания событий, лежащее, казалось бы, на поверхности представляется менее очевидным, иначе расставляются акценты. Ведь если вчитаться повнимательнее, то становится ясно, что Андрей Гуськов, после четырехлетнего отсутствия дома сбежавший из госпиталя, откуда его, толком не подлечив, собирались отправить обратно на фронт вместо обещанного отпуска, не герой для Валентина Распутина вовсе, а, на наш взгляд, антигерой. В полном соответствии с советской моралью. Чем и объясняется Государственная премия.

Не работают поверхностные параллели между той войной и нынешней, слишком разные то войны. И дезертиры разные. Гуськов совершает побег не из гуманных, идеологических или религиозных («не убий») соображений, а исключительно ради спасения собственной шкуры. Нимало не заботясь о том, что подводит таким образом под статью всех своих родных. Да и вообще. Разве может вызвать сочувствие мужчина, избивающий свою жену за то, что ей не удается забеременеть? (Стоит напомнить, кстати, что осенью 1941 года в СССР был введен налог на бездетность, отмененный лишь в 1958-м, а закон о противодействии домашнему насилию в России отсутствует до сих пор. Справедливости ради добавим, что еще в 2021 году правительство Швейцарии пообещало жертвам домашнего насилия номер телефона для обращения за помощью – 142. Но четыре года спустя этот номер все еще не работает, а задержки нарастают и реализация проекта откладывается до следующего года.) Мужчина, по дороге к «любимой жене» не брезгующий отношениями с приютившей его на свой страх и риск немой Таней, а потом мечтающий, как станет «в свое удовольствие измываться над Таней, а потом жалеть ее и снова измываться, а она все стерпит и будет счастлива самой малостью»? Да, он тут же признает, что «недостоин и Тани», однако готов взять на душу такой грех. А почему? Да потому, что «Таня и без того обижена, а потому можно обижать ее дальше.» Железная логика, ничего не скажешь. И как не вспомнить тут великолепное стихотворение Андрея Вознесенского 1959 года о кассирше, обсчитавшей немых.

Так выглядит Ангара, в которой утопилась Настена Гуськова

Гуськов не питает иллюзий насчет собственного будущего, повидав на войне показательные расстрелы без суда и следствия. («Андрей Гуськов понимал: судьба его свернула в тупик, выхода из которого нет. Вперед еще есть какой-то путь, совсем, видно недальний, пока не упрешься в стену, а поворотить назад уже нельзя… Ничего не выйдет. И то, что обратной дороги для него не существовало, освобождало Андрея от излишних раздумий. Теперь приходилось жить только одним: будь что будет.» Однако жалеет он только себя, оправдывая собственную трусость обстоятельствами, то есть войной. («Я ж не власовец какой-нибудь, что против своих двинулся, я от смерти отступил. Неужто не зачтется? От смерти отступил, – повторил он, обрадовавшись удачному слову, и вдруг восхитился: – Такая война – а я утекнул! Это ж уметь надо – черт возьми!») Нет, не симпатичен Андрей Гуськов создавшему его автору, совсем не симпатичен.

Другое дело Настёна, которую не стоит спешить сравнить с Катериной Кабановой, хотя финал у них, при разных реках, одинаковый. Судьба Настены типична для ее поколения. «В голодном тридцать третьем году, похоронив в родной деревне близ Иркутска мать и спасаясь от смерти сама, шестнадцатилетняя Настена собрала свою малую, на восьмом году, сестренку Катьку и стала спускаться с ней вниз по реке, где, по слухам, люди бедствовали меньше. Отца у них убили еще раньше, в первый смутный колхозный год, и убили, говорят, случайно, целя в другого, а кто целил – не нашли.» Вот и весь сказ. Образ Настены напоминает скорее Варвару из фильма Андрея Смирнова «Жила-была одна баба» – такая же в ней безысходность. «Бездетность-то и заставляла Настену терпеть все. <…> Настена терпела: в обычае русской бабы устраивать свою жизнь лишь однажды и терпеть все, что ей выпадет. К тому же виноватой в своей доле Настена считала себя. Лишь однажды, когда Андрей, попрекая ее, сказал что-то совсем уж невыносимое, она с обиды ответила, что неизвестно еще, кто из них причина – она или он, других мужиков она не пробовала.

Он избил ее до полусмерти.» Ох уж это бесконечное терпение русских женщин, эта вечная готовность войти в горящую избу, остановить на скаку пресловутого коня и вообще принести себя в жертву! Даже ради мужика, не давшего ей счастья и не скрывающего своего чисто утилитарного к ней подхода. Такое уж ли это достоинство? Тут есть над чем задуматься, пока читаешь великолепные описания родной автору сибирской природы, при этом сочувствуя переводчику – многие слова и выражения даже русскоязычному человеку неведомы.

Наводит эта книга и на другие размышления, связанные уже с личностью самого Валентина Распутина, прославившегося не только как писатель экологической направленности, пользуясь современной терминологией, и активный защитник Байкала. Не секрет, что с приходом к власти М. С. Горбачева Валентин Григорьевич занимал последовательно антилиберальную позицию: от осуждения журнала «Огонёк» в 1989 году до поддержки действий президента Путина в отношении Крыма и Украины в 2014-м. Писатель, в 1989-м заявивший с трибуны первого съезда народных депутатов «Мы, россияне, с уважением и пониманием относимся к национальным чувствам и проблемам всех без исключения народов и народностей нашей страны. Но мы хотим, чтобы понимали и нас…», в 2011-м в книге «Эти 20 убийственных лет» открыто заявил, что евреи сделали из своей национальной беды бизнес и походя пнул Швейцарию: «Швейцарские банки в минувшем году «страха ради иудейска» сдались и вынуждены будут возвращать деньги, владельцев которых нет в живых.» (Читатели Нашей Газеты помнят, конечно, историю о «невостребованных счетах».) Валентин Распутин содействовал созданию в Иркутске православно-патриотической газеты, выступал в поддержку Геннадия Зюганова и КПРФ, публично выражал почтение Сталину, требовал уголовного преследования Pussy Riot… Распутин умер в 2015 году. Можно ли сомневаться, что проживи он дольше, поддержал бы нынешнюю войну, осудил бы тех, кто отказывается в ней участвовать и получил бы за это Государственную премию?

«Гений и злодейство — две вещи несовместные», твердо помним мы хрестоматийное утверждение. Но, кажется, это тот редкий случай, когда Александр Сергеевич ошибся. Хороший ли писатель Валентин Распутин? Безусловно. Стоит ли читать его книги? Конечно. Но зная и понимая контекст.

русская литература на французском языке

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/kak-zhit-esli-vse-pomnit*